

Фоб неинко АП

1984

ПРАВДА
г. Москва
Москва

11 СЕН 1984
1984

ТИЯ ФАКТЫ КОММЕНТАРИИ

Огонь исканий

Художник и время

«Главной темой считал — современную» — так писал в своей автобиографии Александр Петрович Довженко, выдающийся мастер, классик советской кинематографии, революционный художник, признанный всемирно. 90-летие со дня рождения этого могучего таланта, оказавшего и продолжающего оказывать огромное влияние на развитие нашего отечественного и мирового кино, побуждает нас еще и еще раз обратиться к тому, как мы понимаем современность в творчестве, в своей художественной практике.

За какую бы тему ни брался кинематографист, к какому бы времени ни обращался — к дальней истории или к фантастическому будущему, — он всегда должен быть современным. А современность в творчестве — это, по-моему, чувство времени в его движении, обостренное ощущение проблем, которые решает общество сегодня, и как бы «заглядывание в завтра». Поэтому и обращение к экранизации литературной классики, и воскрешение на экране революционных лет, событий гражданской и Великой Отечественной войн требуют от кинематографистов не вульгарного осовременивания, а подлинного чувства сопряжения времен.

И, естественно, это чувство должно быть еще более обостренным, если кинематографист обращается к текущей действительности, ко дню, в котором живет. Здесь он выступает как первопроходец, как разведчик нового в столь, казалось бы, привычной глазу «текучке дней».

Как распознать и сделать всеобщим достоянием посредством искусства, в образе нашего современника, ростки человека завтрашнего дня? Дело непростое. Помню: Довженко неустанно повторял нам, молодым, только еще вступающим в кино: «Мы живем в большое время... Вот почему самое главное, о чем мы сейчас должны подумать, — это большая тематика... Это — один из самых кардинальных вопросов... Когда я говорю о большой теме, я говорю о необходимости большой темы и больших проблем в наше время. И я говорю о большой искренности, о большой правдивости художника-мастера».

Последнее крайне важно: известно, что Довженко непримиримо относился к «пятакам медных правд», он требовал от художника «чистого золота правды». Если говорить о том, что мешает сегодня развитию нашего искусства, то это все еще неизжитое пристрастие именно к «пятакам медных правд», обилие фильмов «размытых» по содержанию, по своей концепции, серых, а порой и бескрылых по чувствам. Хотя внешне они иногда вроде бы и претендуют на некую «философичность», но стоит приглядеться внимательно, и можно увидеть опять те же «пятаки медных правд».

Конечно, искусство не может развиваться по предписанным эталонам. Должны быть и эксперимент, и поиск, но направленные на достижение настоящих, высоких целей творчества. Убежден, всякие иные цели в деле, которому мы служим, — кощунственны. И индивидуалистическое эстетство, и снобизм по отношению к зрителям, впрочем, как и «заигрывание» с ним — все это не настоящее искусство, ибо не возвышает человека, а как бы потрафляет «усредненному» вкусу.

Недавнее постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, направленное на создание условий для дальнейшего повышения идейно-художественного уровня кинофильмов, обязывает нас полнее и активнее развивать высокие традиции нашего киноискусства. Эти традиции были заложены первооткрывателями революционного кинотворчества, а среди них и Александром Довженко. Вспоминаю, как он говорил о призвании кинематографиста: «Мы учителя миллионов! Необходимо, чтобы мы чувствовали себя историческими мыслителями, чтобы мы

научились видеть свою историческую перспективу. Если мы хотим говорить полным и сильным голосом, нужно жить прогрессивными, великими идеями своей эпохи, по-настоящему знать их».

И занимательность фильма он понимал прежде всего как богатство его содержания, как разнообразие творческой мысли, как неугасимый прометеев огонь исканий художника ради постижения богатства жизни и духовного мира человека. Он был убежден в необходимости расширения границ и возможностей социалистического реализма, способного возвышать и облагораживать, духовно обогащать личность. Ему была близка мысль Льва Толстого, который считал главным для искусства становление личности в эпоху.

Бесконечен процесс обновления в нашем искусстве. И надо понимать и ценить, бережно поддерживать все истинное, проверенное чистым золотом правды. Я об этом думал вновь и вновь после недавних удивительных встреч и долгих разговоров с Леонидом Максимовичем Леоновым, прекрасным мастером, кудесником слова. Знаю, как однажды, решив поправить одну строку в романе «Вор», он фактически заново переписал его. Действительно, когда все выверено, продумано автором, слито в единое художественное целое, — тронь строку, и все повалится! И перечитывая леоновский «Русский лес», в одном из авторских выступлений нашел мысль, созвучную моим размышлениям и о нашей режиссерской профессии, о художественной целостности фильма. Порой мы упрощенно толкуем тот факт, что киноискусство коллективное, и при этом как бы забываем, что талант, индивидуальность — уникальны. Надо беречь почерк режиссера — его «знак качества». А у нас еще бывает так, что мы стремимся подогнать индивидуальное, неповторимое произведение под некий общий знаменатель. К чему это может привести, говорит такой пример: один молодой режиссер учел все поправки, которые ему предлагались на разных этапах просмотра. И на экране представило нечто совершенно невообразимое. Конечно же, плох режиссер, если он не сумел убедить своих оппонентов искусством, если не сумел отстоять свой фильм. Тут уже не об «одной строке» идет речь!

Сказанным я не хочу поставить под сомнение труд, советы, помощь умных и талантливых редакторов, настоящих участников фильма. Я думаю о другой стороне нашего дела: о том, что надо повысить личную ответственность режиссеров за идейно-художественное качество их фильмов. И тут есть еще одна важная проблема. Кино — не только искусство, но еще и дорогостоящее производство. Невозможно представить себе, что на заводе какому-нибудь бракоделу доверят «запарывать» детали одну за другой. В кино же подобное, увы, случается. Понятно, что брак в

заводской детали виден сразу, без ОТК, а в кино всегда найдется кто-то «добрый», кто покроет брак и даже, наоборот, поможет выдать его и за некое достоинство: мол, дело это спорное. Да, в искусстве все сложнее, неоднозначно, но, право же, непрофессиональность режиссера, его недобросовестность, мировоззренческая и, так сказать, сердечная недостаточность тоже видны на экране. И, может быть, первым это видит сам режиссер: ему и надо самому себя исправлять нещадно, самокритично, даже жестоко по отношению к себе.

Да, кино — это еще и промышленность. И если уж продолжать аналогии, то такая отрасль промышленности, как металлургия, не может развиваться без планомерной поставки высококачественной руды, без разведки и разработки новых месторождений, рудных полей. Так и в кино. Оно не может плодотворно развиваться без достаточного количества высококачественных сценариев, как театральное искусство — без новых пьес. Но если драматургия — полноправная ветвь литературы, то кинодраматургия — лоза сбоку. Убежден, что создавать хорошие фильмы можно, лишь опираясь только на хорошую литературу. И тут у нас есть неисчерпаемые резервы, которые мы еще недостаточно используем.

Только в трех издательствах («Современник», «Советский писатель» и «Молодая гвардия») в минувшем году дебютировали в столице сразу около двадцати молодых прозаиков. Это — с первыми книгами. А сколько появилось новых имен в других издательствах, в толстых журналах! Такого числа молодых киносценаристов у нас не наберешь и за десятилетие. Наверное, кинематографу стоит более активно осваивать «рудное поле» прозы.

Как-то довелось подсчитать, сколько сценариев написал за всю свою жизнь Александр Петрович Довженко, кстати, обладавший высоким поэтическим и писательским талантом: чуть больше десяти. А потом я попытался посчитать, сколько написал один из наших активных сценаристов за десять лет, и остановился на двадцатом... Будто блины пек — из разных сюжетов, из разных эпох!.. Сделал «болтанку» из одной муки — быстро и дешево... Дешево? Только не для государства, не для кино. Нашей кинодраматургии нужен мощный приток новых сил, необходима тщательная и кропотливая работа с писателями. И при этом — обязательно чуткая, творческая.

Время сегодня требует высшей концентрации усилий всех и каждого из нас, где бы мы ни работали, — во имя могущества нашей социалистической Отчизны. Киноискусство способно приобщить поколения советских людей к великому социальному и жизненному опыту наших отцов и дедов. Но приобщить можно лишь тогда, когда оживающие на экране факты истории, рево-

люции, гражданской и Великой Отечественной войн, сегодняшнего подвижнического труда народа будут сопережиты зрителями, войдут в сердце и сознание человека, пробудят в нем жажду творчества, активного поиска, участия в совершенствовании жизни общества.

Мы живем в тревожное время. Империализм в яростном человеконенавистничестве, в предчувствии своего неизбежного исторического краха опутывает континенты сетью военных баз, устанавливает все новые крылатые ракеты. Но мы верим в силу человеческого разума, в победу здравого смысла. Она возможна лишь при одном условии — неуклонном росте могущества нашей Отчизны, оплота мира на Земле, надежды человечества.

Позволю себе снова обратиться к памяти, рассказать об одном эпизоде, происшедшем на съемках фильма об Иване Франко, великом писателе, которого высоко ценил Довженко, называл «революционером духа». Так случилось, что в свободное время мы с прекрасным актером Михаилом Романовым (он играл Коцюбинского, а я — Ивана Франко) взялись перечитывать произведения великого украинского поэта и прозаика. И неожиданно открыли для себя в одном из его рассказов поразительный по своей поэтической силе и метафоричности образ крестьянского мальчонки Мирона, вступившего «в бой» с тяжелой черной тучей, нависшей над пшеничным полем. Еще мгновение — и град побьет колосья, уничтожит труд людей, оставит их без хлеба. И маленький Мирон собирает все свои силы, всю страстность и боль души и, воздев руки к небу, кричит туче: «Не пуш! Не пуш!.. Напрасно грозишь! Я тебя не боюсь!.. Ты видишь, до сих пор я мог тебя сдерживать. И сдержу! И не пуш! Поворачивай назад! На горы, на Дилы! Не смей тут рассыпаться!.. Ни на одно зернышко на ниве! Слышишь!»

И произошло необыкновенное. Вот как описывает это Иван Франко: «И в этот миг сразу как бы сняли тайную печать с природы, как бы отодвинули неведомый засов, как бы подняли щеколду! Загрохотал гром, ослепили глаза молнии, которые, казалось, со всех концов света одновременно ударили в середину градовой тучи, и туча эта мгновенно раскололась надвое, и страшный ветер заревел и погнал одну ее половину на Радичев, а другую на Панчужную — на два бора, что обрамляли село с юга и с севера. Еще минута, и над Радичевым встал огромный плотный серый столб — это обрушилась на лес градовая туча. Еще минута, и из лесу послышался глухой стон, треск, скрип деревьев, хруст сломанных ветвей, и зеленым облаком понес ветер над этим адом сбитые с деревьев листья»...

Вот это величие необоримых человеческих чувств, эта грандиозность души, кровно заинтересованной во всем, что происходит вокруг, эта высокая ответственность за счастье людей, за их будущее и должны пронизывать каждый наш фильм, каждое произведение советского искусства.

Сергей БОНДАРЧУК.
Народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии,
Герой Социалистического
Труда.